

тию. То же следует, видимо, сказать и о восприятии иноязычного акцента в сфере ударения, музыкального акцента и т. п. Это никак не подтверждается практикой. Тем не менее нами был проведен ряд опытов с 22 носителями пяти различных языков (монолингвов) со следующими результатами:

1. Обычный тест на ритмичность, включающий репродукцию силы удара, не выявил никаких отклонений, зависящих от языка; трех-, четырех- и пятикомпонентные удары одинаково воспроизводились (т. е. с одним и тем же количеством допустимых ошибок) русскими, болгарами, французами, немцами и поляками.

2. Восприятие магнитофонных записей родных слов, псевдослов, слов иностранных языков (неизвестных испытуемым) проводилось в двух сериях: а) с соблюдением норм ударений в родных языках испытуемых, б) с «чужим» ударением. В обеих сериях испытуемые одинаково успешно зафиксировали как «свои», так и «чужие ударения». Опыт на обучение «чужому» ударению показал, что в 60% случаев оно воспроизводится с первого предъявления образца, а через четыре-пять предъявлений воспроизводится верно в 100% случаев.

Следовательно, сам факт эффективности обучения должен предполагать умение объективно различать силу удара. Надо исходить, видимо, из того, что обучаемость вообще базируется на универсальных потенциальных возможностях интеллекта носителей любых языков, что обучение следует рассматривать как долговременный массовый эксперимент, опровергающий главное в теории лингвистической относительности; при этом отнюдь нельзя отрицать различие интеллектуальных уровней индивидов, как и отказываться от принципа эволюционизма при рассмотрении интеллекта в филогенезе или антропогенезе⁴².

Мнение, что исследования К. Леви-Стросса «ценно прежде всего тем, что оно поколебало веру в концепцию Леви-Брюля о пралогическом мышлении и показало идентичность мышления „дикаря“ и современного человека»⁴³ основано, во-первых, на недоразумении, так как Леви-Брюль никогда не защищал подобной концепции, которая ему неоднократно приписывалась; во-вторых, на переоценке значения методики К. Леви-Стросса, который обнаружил, опираясь на структурный подход, не идентичность мышления, а единый (бинарный) принцип отношения к реальности⁴⁴. С полной уверенностью можно сказать, что реализация этого принципа лежит в основе поведения животного, различающего неподвижное от подвижного, съедобное от несъедобного, опасное от неопасного и т. п.

В заключение раздела имеет смысл отметить тот факт, что критика позиции Сэпира—Уорфа исходит в настоящее время не только от американских же специалистов (в цитировавшейся работе Д. Слобина и Дж. Грин «Психолингвистика» на с. 214 прямо сказано, что «Уорф чересчур большое значение придавал поверхностным структурам языка, в то время как на глубинном уровне все языки обладают универсальными свойствами»), но и от самого Б. Л. Уорфа, который признал: «Утверждение, что „мышление“ является материалом языка — это неверное обобщение более правильной идеи о том, что „мышление“ является материалом р а з л и ч н ы х я з ы к о в». В. И. Звегинцев, процитировавший это положение Уорфа из последней его (к тому времени) работы, удачно, на наш взгляд, интерпретировал «различные языки» как результат взаимодействия mental и собственно национального языка⁴⁵.

⁴² Муханов М. М., Чистякова Н. И. К. Леви-Стросс об идентичности мышления дикаря и современного человека.— Сб.: Генетические и социальные проблемы интеллектуальной деятельности. Алма-Ата, Изд-во Каз. гос. ун-та, 1975.

⁴³ Там же, с. 85.

⁴⁴ Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л., «Наука», 1976, с. 23—30, 99, 100.

⁴⁵ Звегинцев В. И. Язык и лингвистическая теория. М., 1973, с. 186, 187.